

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

Зодчий из деревни Завотежицы

По весне, едва только сойдет снег, и первые травы начнут покрывать мягкими овчинами крутояры вдоль речки Евды, как на одном из углов, словно миниатюрные минареты, появляются из земли пестрики хвоща. Местные крестьяне издавна использовали их в пищу — ели сырыми, клали в пироги. Потому-то, говорят, и назван здесь один из холмов Пест-горой.

На макушке его стоит деревенька Завотежица, где в 1768 году у белошадного Ксенофонтова умел уже «шибко баско давать камню лик». Оформляя Стрелку Васильевского острова, он, как художник, достиг гармоничной связи воды и камня, самолично отбирал в финских карьерах гранит по задуманной им цветовой гамме и рисунку. Вот почему парадет набережной на Невском проспекте, огромные каменные шары на постаментах и четыре статуи на Росстральных колоннах, изготовленные им, так едины с великой рекой и с великолепными дворцами на ее берегах.

Для Исаакиевского собора великана потребовались колоссальные семнадцатиметровые колонны, вес каждой из которых достигал ста тридцати тонн. Никто не рискнул выполнить такие монолиты. И только красноробский мужик взялся за небывалые каменные цилиндры, ибо избрал способ добычи в карьерах нужных ему заготовок. Он отказался от применения пороха, так как взрыв, откалывая от горной породы куски, неизбежно давал и трещины. Суханов же, заранее просверлив в породе дыры, с помощью сотни солдат-молотобойцев «клиньями раскалывал целые горы, яко бревно».

Вечный материал требовал долгой и кропотливой обработки, шлифовки, полировки. Готовые изделия Суханов освещал. Держа в темноте перед собой горящую свечу, зорко всматривался в зеркальную поверхность мрамора. И видел, что когда уже нельзя было отличить реальное пламя от отражения, работу считал законченной.

Самого себя Суханов превзошел при изготовлении Александровского столпа на Дворцовой площади. Колонну предстояло вытесать из гигантской гранитной призмы длиной в

сорок семь метров и весом в шестьсот тонн, чего никто в мире еще не делал. Но гранитчик «со товарищи» за три года справился с грандиозной работой.

Александр и ский столп своей высотой и красотой превзошел колонны Рима и Парижа, выполненные из составных частей.

Пожалуй, ни один из архитектурных шедевров Петербурга первой трети XIX века «не обошелся» без участия Суханова. Он строил Адмиралтейство, Биржу, Горный институт, украшал Павловск и Царское Село, тесал пьедестал для памятника Минину и Пожарскому в Москве. Имел Самсон и награды: золотую медаль «За усердие», парский кафтан, золотой оклад... Сотрудничал с крупнейшими архитекторами и скульпторами. Его портрет написал несравненный Тропинин.

У него голова могла закружиться от славы, но Самсону на почести было наплевать, зато постоянно вспоминал Самсон свою малую родину, избы на угорках у родной речки, деревенские улицы с рябинами и черемухами, сердцем чуял пору сенокоса.

Оставил о себе Суханов память и в родных местах, в частности, каменную Евдскую Вознесенскую церковь, построенную в 1829 году по его «проекту» и на его средства. По стилю она выгодно отличается от храмов, что строили в те времена на Севере другие мастера.

К середине века наступил кризис классицизма. Суханов и подобные ему умельцы оказались не у дел. Влобавок, в Ладожском озере утопила его баржа с пьедесталами под памятники Кутузову и Барклаю де Толли у Казанского собора. Камнерез заложил свое имущество, изготовил новые пьедесталы, но из кабалы после того он уже не выбрался. В октябре 1840 года написал Александру II челобитную,

просил «исторгнуть его с семейством из челюстей смерти». «Более 35 лет я трудился с соблюдением значительной пользы государственной жизни. Блистательная столица твоя, Великий государь, красуется дивными гранитными колоннами, лично мною добытыми...»

Увы! Несмотря на то, что автор этого прошения в камнерезном деле «превзошел славных иноземцев» и имел, между прочим, купеческий чин, на его «депеше» царь написал: «Черни пенсию не дают».

И Самсон Суханов умер в нищете. Питерцы не поставили на могиле великого зодчего даже неотесанного булыжника, и место, где поконился его прах, до сих пор неизвестно.

Однако дивный храм на Пест-горе стоит и поныне. Жизнь в деревне продолжается. Окрестности Завотежицы вдохновляли художников А. Борисова и Н. Бекряшева, тоже уроженцев этих мест. А неподалеку, у урочища Еремиха, есть даже свой «фонтанный Петергоф», где двенадцать ключей вырываются из-под земли. Края эти так поправились строгаповским «лазутчикам», что они устроили на Евде притвал и открыли соляной источник. Где Строгановы вываривали соль, там ныне находится известный санаторий «Солониха».

Родная деревня Самсона Суханова, слава богу, обновляется. Строятся новые дома, ремонтируются старые. Завотежицы гордятся, что в историю мировой архитектуры вписано яркое имя их земляка, и хотят достойно увековечить его. Ведь деревня живет не только тогда, когда в ней строится новый свишарник да играют сцадьбы, — она жива человеческой памятью о минувших днях, о делах отцов, делов и праделов.

И. ФИЛИМОНОВ.
Красноборский район.

ИЗ ПО

Ож
под

В итоге ващий с подворья селян бы стью вы считай, д хлеба д Прилук, гих стол пина. Не вало, ни ни блян шиного гным мол ли в маг редка пр да, разба

Нынеча туация м му. Еще в трех

дезевнях всего три сейчас и валило з или бу «Ваенгс Алесанд Анатолий Зуев, Се Бутаков ва подво

Благо, бенно се торы, у вить дост ство сен труд пол кормами ллет вла покосные участки удобьях, ных пок чек выде для дост стным х зооветсп над част ческим с

Но тр хпистан номическ построит животны выбраба и покуп более б новится прсблем шом д басносло

Вино

РЕКЛАМА

Вниманию автолюбителей!

НОВИНКА!

АХ УДЕДА